

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Е.В. Ковычев

Забайкальский государственный гуманитарно- педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Чита

E-mail: kovychevgenyi@mail.ru

К ИСТОРИИ РАННИХ МОНГОЛОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

В генезисе монгольских племён немаловажную роль сыграли природно-климатические условия и та культурно-историческая среда, в которых по воле случая оказались предки современных монголов. Именно эти два фактора способствовали оформлению разрозненных родовых групп в организованные племенные подразделения и стимулировали развитие у них таких видов хозяйства, как скотоводство (животноводство), земледелие, охота и рыболовство. Данные виды хозяйства зафиксированы у многих народов, проживавших в I тыс. н. э. на смежных территориях Верхнего и Среднего Приамурья, Маньчжурии и Восточного Забайкалья, в том числе, у монголоязычных племён сяньби и их потомков – шивэй. В истории Восточного Забайкалья и Приамурья указанным племенам принадлежит особая роль, и от правильной интерпретации этой роли зависит объективная оценка древнейшей истории монгольских народов.

Отметим, прежде всего, что термин «шивэй» китайские историки использовали для обозначения невероятно большой группы малоизвестного им населения бассейнов рек Шилки, Аргуни и Верхнего Амура и необоснованно включали в их состав племена различной этнической и языковой принадлежности: древних монголов, тунгусо-маньчжуров, возможно, даже тюрок и палеоазиатов. Они принадлежали к разным культурно-хозяйственным типам: являлись таёжными охотниками, рыболовами, земледельцами и скотоводами; вели полуседлый или полукочевой образ жизни. Уровень оседлости и подвижности этих племён напрямую зависел от места их проживания. При этом племена, обитавшие в таёжных зонах Верхнего Амура, Нижней Шилки и Аргуни, были более статичны, нежели племена, занимавшие степные и лесостепные районы Восточного Забайкалья. Первые строили долговременные жилища полуподземного типа; проживали в посёлках, окружённых валами и рвами, и вели комплексное хозяйство, в котором преобладали домашнее животноводство и земледелие. Вторые были подвижными; жилищем им служила юрта или кибитка, поставленная на колёса, а главным видом занятий являлось скотоводство. Долговременных мест обитания этих племён на территории Восточного Забайкалья не обнаружено.

В рунических надписях древних тюрок западные шивэй подразделялись на два племенных союза: отуз-татар («тридцать татар») и токуз-татар («девять татар»). К археологическим памятникам отуз-татар на территории Восточного Забайкалья относятся погребальные комплексы бурхотуйской археологической культуры (IV–IX вв.), а к токуз-татарским – дарасунской (VI–IX вв.). Начальные и конечные даты существования указанных культур, скорее всего, нуждаются в уточнении – в соответствии с накопленными сегодня археологическими материалами.

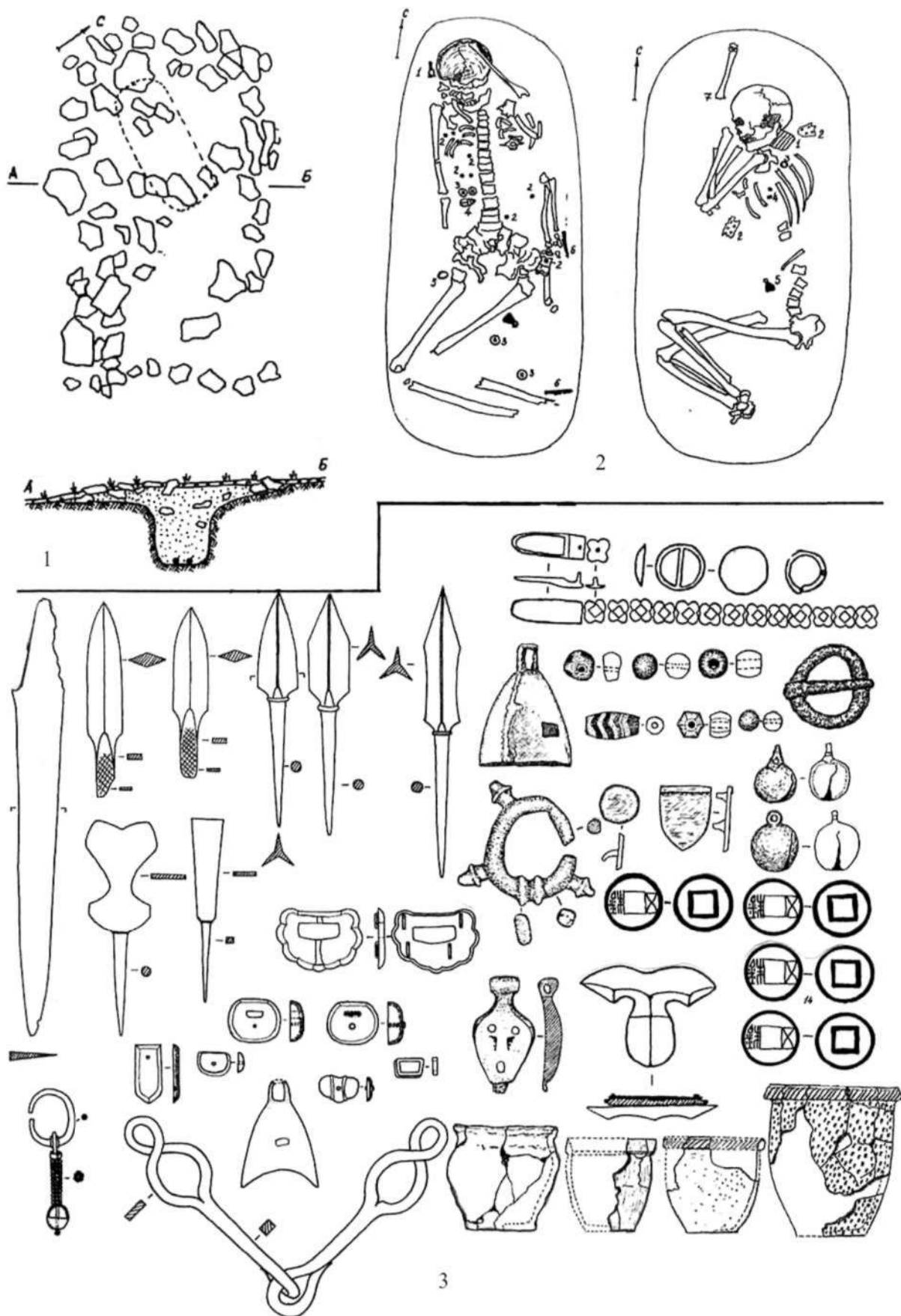


Рис. 1. Погребения дарасунской культуры:
 1 - каменные выкладки и их разрез; 2 - формы захоронений; 3 - инвентарь погребений
Fig. 1. Graves of Darasun culture:
 1 - stone masonries and their sections; 2 - burials; 3 - toolkits of graves

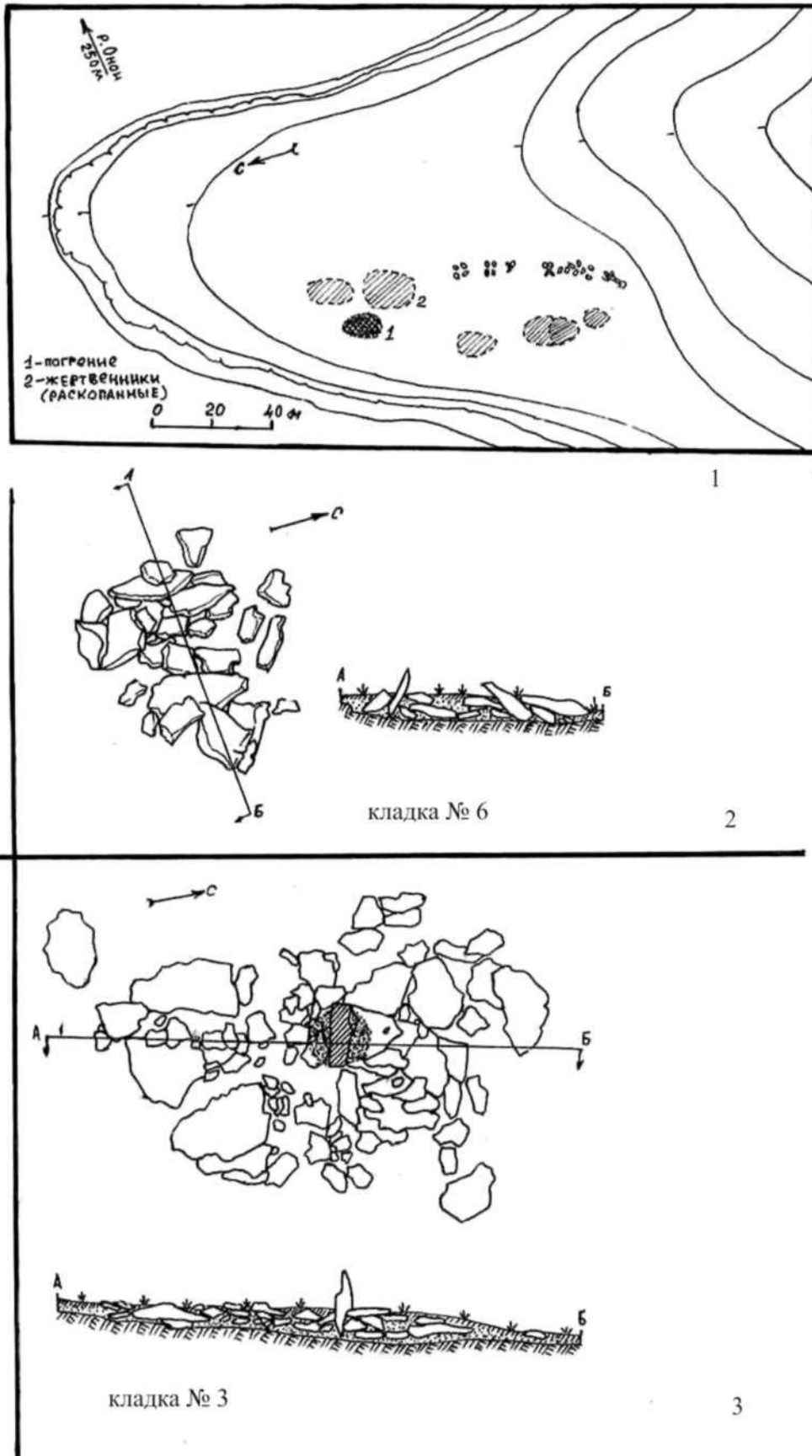


Рис. 2. Жертвенные выкладки в районе с. Кусочи (р. Онон)
Fig. 2. Ritual masonries near to Kusochi (River Onon)



**Рис. 3. Погребение дарасунской культуры с каменным столбиком в кладке (могильник Новотроицкий)
Fig. 3. Grave of Darasun culture with stone column in masonry (cemetery Novotroitsky)**

Но уже сейчас можно констатировать, что дарасунских погребений на территории края известно намного меньше, чем бурхотуйских. Крупных могильников они не составляют, располагаясь или небольшими группами (по 2–3 в каждой), или поодиночке; некоторые входят в состав бурхотуйских могильников, но занимают их периферийную часть. При этом до половины погребений принадлежит женщинам и детям. Небольшой группой представлены также погребения «смешанного» типа, в которых сочетаются черты, свойственные памятникам и бурхотуйской, и дарасунской культур. Последнее обстоятельство может указывать на существование тесных (матримониальных?) контактов между племенами, оставившими эти культуры.

В дарасунских погребениях преобладает инвентарь, находящий аналогии в материальной культуре древних тюрков и уйгуров: оружие, предметы конской сбруи, украшения; иногда глиняные сосуды баночной формы и серебряные кубки. Сверху погребения имеют однослойные каменные выкладки округлой или подквадратной формы. Умершие погребены на грунте, в скорченном положении, на правом или на левом боку и ориентированы головой на северный или восточный секторы. В качестве дополнительных конструкций в некоторых погребениях присутствуют берестяные коробки и каменные выкладки под костяками. Во многих погребениях были обнаружены жертвенные лопатки баранов, с воткнутыми в них ножами. Сосуды встречаются редко и чаще всего в разрушенном состоянии. В отдельных погребениях присутствуют также китайские монеты типа «ушущянь», датируемые концом VI – началом VII вв. и «кайюань тунбао», выпущенные в начале VIII в., что дополнительно указывает на датировку рассматриваемых памятников (рис. 1).

С дарасунской культурой связана также группа жертвенников и курганов-кенотафов, не содержащих погребений людей. Жертвенники обычно имеют форму округлых каменных выкладок, под которыми попадает только древесный уголь и пережжённые фрагменты костей животных. В 1985 г. Е.В. Ковычевым в районе с. Кусочи, (р. Онон), был найден жертвенник, состоявший из 12 небольших каменных выкладок, расположенных в два ряда,

по линии С – Ю. Раскопки шести жертвенников показали, что почти все они имели округлую форму и лишь в центральной части выкладок выделялись оградки-ящички, обозначенные поставленными на ребро плитками сланца (рис. 2). С юго-востока к жертвеннику примыкало погребение воина дарасунской культуры. Он был похоронен на правом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на ВСВ. В погребении был обнаружен берестяной колчан с наконечниками стрел, костяная накладка на лук, колчаный крюк и железный нож.

В курганах-кенотафах, помимо углей и костей животных, встречены также фрагменты керамики, ножи, кинжалы, латные пластины и наконечники стрел. У некоторых выкладок в верхней части стояли каменные столбики, напоминавшие монгольские сэргэ («коновязи»), или каменные балбалы из тюркских погребений Монголии и Южной Сибири (рис. 3). Возможно, что в данных курганах столбики олицетворяли собой погибших на стороне родственников, в память о которых они были сооружены. Помимо указанных памятников, в бассейне р. Онон, у с. Чиндант, в 1965 г. А.П. Окладниковым было найдено уникальное сооружение в виде каменных плит-стел и длинного ряда вертикальных плит, напоминавших ряды балбалов в захоронениях вождей орхонских тюрок на севере Монголии (Окладников, 1975: 17–18).

Особенности погребального обряда и инвентаря дарасунских памятников явно указывают на то, что среди токуз-татар преобладали тюркоязычные элементы. А это, в свою очередь, объясняет причину того, почему токуз-татары являлись постоянными союзниками токуз-огузов – тюркоязычных племён теле, проживавших на смежных территориях Южного Забайкалья и Северной Монголии: политический союз подкреплялся этническим и культурным родством двух племенных группировок. На эту тесную «политическую» связь между ними, обращали внимание многие исследователи (Кляшторный, 1964: 42, сноска 110; Викторова, 1980: 60), а некоторые даже видели в «токуз-татарах» другое название «токуз-огузов» (Грумм-Гржимайло, 1926: 321, сноска 2). С последним выводом трудно согласиться, но, как справедливо отметил С.Г. Кляшторный, в 40-х гг. VIII в. токуз-татары вместе с другими огузскими племенами принимали активное участие в гражданской войне внутри Уйгурского каганата, а после падения этого государства, вместе с токуз-огузами, мигрировали в Восточный Туркестан (Кляшторный, 1964: 42, сноска 110).

Образование токуз-татарской конфедерации, состоявшей из девяти татарских племён, Л.Л. Викторова относил к середине VIII в. и также отмечала, что она была союзником секиз-огузов (восьми огузско-тюркских племён). При этом, токуз-татары отождествлялись ею с южными шивэйцами а отуз-татары - с шивэйцами китайских хроник. Данные объединения, по Л.Л. Викторовой, были устойчивыми конфедерациями и состояли из указанного выше количества родственных племён, объединившихся в VIII в. для совместных военных набегов (Викторова, 1980: 160).

Другой позиции придерживался Г.Е. Грумм-Гржимайло, который считал, что в VI в. токуз-татары входили в состав отуз-татарского союза «тридцати родов», но выделились из него в начале VIII в., когда он распался. Тогда же, писал он, они стали союзниками огузов. Исследователь подметил, однако, что кроме тюрок, токуз-татар знали и китайцы: в «Ган-му» о них имелось упоминание за 1005 г. (Грумм-Гржимайло, 1926: 321, сноска 2).

Основанием для причисления токуз-татар к отуз-татарскому племенному союзу послужили для Г.Е. Грумм-Гржимайло данные рунических текстов, в которых отуз-татары упоминались в связи с похоронами первого тюркского кагана Бумына в 552 г., а токуз-татары – только в 724 г. (Кляшторный, 1964: 42, сноска 111). Соглашаясь с отождествлением отуз-татар с западными группами племён шивэй, проживавшими на территории Восточного Забайкалья, мы не можем, однако, согласиться с отнесением токуз-татар к южно-шивэйским племенам, как предлагает Л.Л. Викторова, или с предположением, что они выделились из состава отуз-татар, как это делает Г.Е. Грумм-Гржимайло. Отметим также, что археологические материалы, представленные в дарасунских и в бурхотуйских погребениях, предполагают другие даты формирования этих двух племенных союзов и указывают,

безусловно, на отсутствие прямого этнического родства между ними. Зато существование брачных связей между представителями двух племенных групп мы отрицать не можем. Поэтому, видимо, следует говорить не столько о генетическом родстве этих племён, сколько о матримониальных и союзнических отношениях между ними, подкреплённых совместной борьбой против господствовавших в степи династий.

На территории Восточного Забайкалья погребения дарасунской культуры располагаются в широкой полосе лесостепи и степи. Самые северные из них исследованы в бассейнах рек Нерча и Куэнга, а также у станции Бушулей; самые восточные – в среднем течении р. Шилка (окрестности сс. Ломы и Уктыча). В 2010 г., два детских погребения этой культуры были раскопаны сотрудниками Забайкальского краевого музея близ с. Усть-Чёрная (Алкин и др., с. 4–7). Рядом находился укреплённый городок, принадлежавший шилкинским племенам шивэй. В настоящее время это наиболее удалённые на восток погребения токуз-татар.

В южных районах края дарасунские погребения известны в окрестностях сел Средняя Борзя, Зоргол и Дурой (р. Аргунь); Ононск, Оловянная, Ясногорск, Усть-Борзя, Старый Чиндант, Будулан, Токчин, Чиндалей, Нарасун и Тарбальджей (р. Онон). Западной границей распространения дарасунских погребений в пределах края является с. Арта (р. Ингода) и с. Беклемишево (оз. Шакша). Далее на юго-запад они встречены в окрестностях с. Жиндо (р. Чикой). На северо-западе – такие погребения известны в районе Еравненских озёр (Республика Бурятия: могильники Алтан, Бухусан, Харга-I и III) (Кызласов, Ивашина, 1989: 34–35).

Погребения VI–VII вв. со скорченными костяками, лежащими на правом боку, головой на север, северо-восток или восток, зафиксированы также в Прибайкалье: в Приольхонье и Баргузинской долине. А.В. Харинский предложил относить такие погребения к памятникам «черенхынского» типа, связав их в этническом плане с тюркоязычными племенами теле, которые, по его мнению, проникли на юг Сибири: в верховья Енисея, Тункинскую долину, низовья Селенги и в Поононье – в V в. При этом он посчитал необходимым выделить для Южного Забайкалья два культурных пласта: 1) хуннский, представленный погребениями в деревянных срубках и ориентировкой умерших на север и 2) дохуннский или «протодарасунский», характеризующийся труположением на боку, с подогнутыми ногами (Харинский, 2001: 65–74). Поскольку племена теле, с точки зрения учёного, были одним из ответвлений хунну, то начало процесса тюркизации Южного Забайкалья следует относить ко II – I вв. до н. э., когда оно вошло в состав державы хунну. Затем, отмечал он, в начале I тыс. н. э., произошло смешение погребальных обрядов и скорченные захоронения на правом боку появились даже в деревянных срубках. Более того, А.В. Харинский сделал предположение о том, что носителями «протодарасунских» погребальных традиций в Южном Забайкалье во второй половине I тыс. до н. э. были племена восточных динлинов. Он считал, что восточные динлины, как раз и были тем субстратом, на основании которого произошло формирование дарасунской археологической общности.

Не возражая в целом против отнесения ранних «протодарасунских» памятников к племенам восточных динлинов, хотелось бы отметить, однако, что данное предложение можно рассматривать лишь как «рабочую» гипотезу и, в первую очередь, применительно к районам Южного и Восточного Прибайкалья. В хуннский период, скорее всего, именно там расселялись племена восточных динлинов, зависимых от хунну. На территорию Восточного Забайкалья могла проникать только некоторая часть их, но, к сожалению, памятники динлинов на территории края пока не выделены, а те немногие скорченные погребения, которые датируются концом I тыс. до н. э. – первыми веками н. э., не всегда совпадают по характеристикам с погребениями выделенного А.В. Харинским «черенхынского» типа. Именно это обстоятельство не позволяет нам делать обоснованных и документированных выводов относительно этнической принадлежности таких «ранних» памятников. Может оказаться так, что частные случаи захоронений умерших на боку и в скорченном положении,

зафиксированные в памятниках культуры плиточных могил, в хуннских погребениях и в погребениях конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. будут представлять лишь нетипичные отклонения от общепринятых правил. Во всяком случае, за 300 лет археологических исследований на территории края таких погребений обнаружено крайне мало.

В этой связи хотелось бы обратить внимание исследователей на позицию Л.Л. Викторовой, которая писала о том, что после падения в 630 г. первого тюркского каганата, значительная часть тюрков стала подданными Танской империи. Многие, однако, не признали своим каганом ставленника Тан Ашина Сымо и ушли на север — т.е., как пишет исследователь, «перекочевали на земли Восточной Монголии, сначала, вероятно, в приозёрные районы, а затем в верховья Онона и Керулена, где стали кочевать, породнившись со своими прежними подданными» (Викторова, 1980: 157–158). Отметим, что в число таких беглецов, если следовать монгольской исторической традиции, следует включать, также, Бортэ-Чино — одного из предков Чингисхана по тюркской линии. Как считала Л.Л. Викторова, процесс сближения тюрков и монголоязычных племен отуз-татар особенно активно стал происходить с середины VIII в., когда состоялась свадьба девятого потомка Бортэ-Чино — Борчжигидая-Мэргэна и Монголчжин-Гоа (Прекрасной Монголки). Именно с этого брака, писала она, можно начинать историю собственно монголов. В дальнейшем «предки монгольских племён, управляемые вождями из рода Бортэ-Чино, продолжали обитать по Онону в течение двенадцати поколений, т.е. до конца IX — начала X в.». А в начале X в. «прямые потомки Бортэ-Чино, т.е. линия, связанная генетически с древними тюрками, отделяются и откочёвывают вместе с подчинёнными им родами, образуя конфедерацию из четырёх (дорбэн) племён» (Викторова, 1980: 162).

Данная позиция нам кажется более правильной: она точнее отвечает на вопрос о характере отношений между тюркоязычными и монголоязычными племенами Восточного Забайкалья в середине I тыс., о времени формирования токуз-татарского племенного союза и в этом плане лучше всего согласуется с археологическими материалами, представленными в памятниках дарасунской культуры. Что касается времени проникновения тюрков на территорию края, то мы склонны датировать этот процесс ещё периодом существования первого тюркского каганата (VI — сер. VII вв.). После 630 г. Забайкалье принимало уже вторую волну тюркских переселенцев. Именно поэтому погребения дарасунской культуры вариативны по элементам погребального обряда и погребального инвентаря.

В отличие от дарасунских, бурхотуйские погребения имеют многослойные каменные выкладки округлой формы; камни при этом заполняют могильные ямы вплоть до костяков. Умершие погребены прямо на грунте (иногда обложены с боков плитками камня), на спине, в вытянутом положении, головой на З и СЗ. В изголовье их располагаются глиняные сосуды различных форм; присутствуют также костяные и железные наконечники стрел, колчаные крюки, ножи, латные пластины и предметы украшений, среди которых особенно выделяются нагрудные бляхи-гривны, изготовленные из бронзы и золота. Предметов конской сбруи и снаряжения в бурхотуйских погребениях встречено немного — так же, как и костей жертвенных животных (рис. 4, рис. 5).

Могильники бурхотуйской культуры исследованы в бассейнах рек Ингоды, Онона, Шилки, Нерчи, Куэнги и Аргуни. В основных своих границах, районы распространения бурхотуйских и дарасунских погребений в пределах края совпадают. Данное обстоятельство лишь подтверждает наличие матримониальных связей между представителями двух племенных группировок, кочевавших по соседству друг с другом. Нужно отметить, однако, что западнее Яблонового хребта бурхотуйские древности не обнаружены. Зато в последние годы они открыты на территории Восточной Монголии — в бассейне р. Хурха, (приток р. Онон), в границах киданьского городища Углегчийн хэрэм (Улзийбаяр, 2010: 290–296), что ещё раз свидетельствует об отходе отуз-татарского населения в конце лясской эпохи за пределы Восточного Забайкалья.

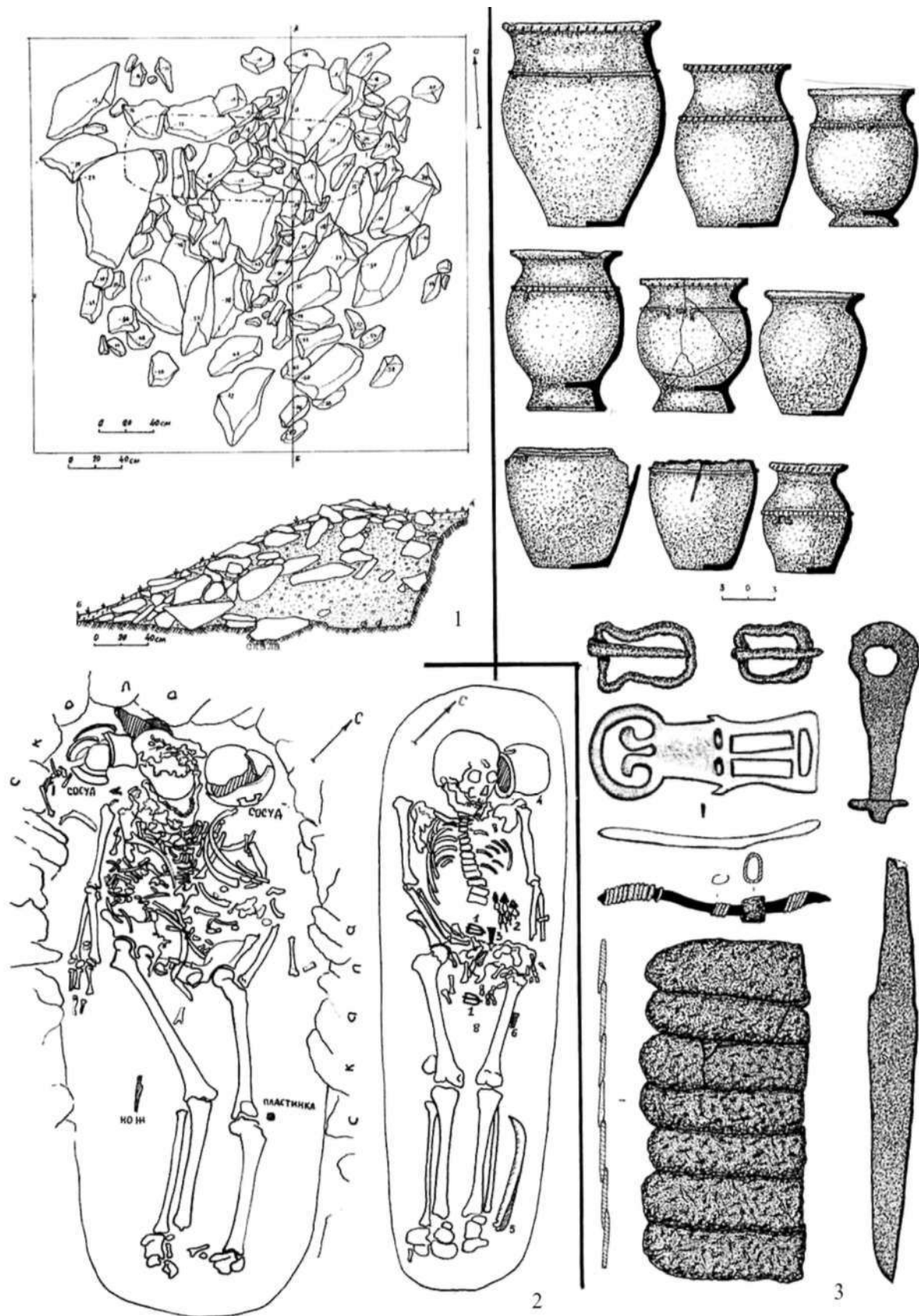


Рис. 4. Погребения бурхотуйской культуры:

1 - каменные выкладки и их разрез; 2 - формы захоронений; 3 - инвентарь погребений

Fig. 4. Graves of Burkhotui culture:

1 – stone masonries and their sections; 2 – burials. 3 - toolkits

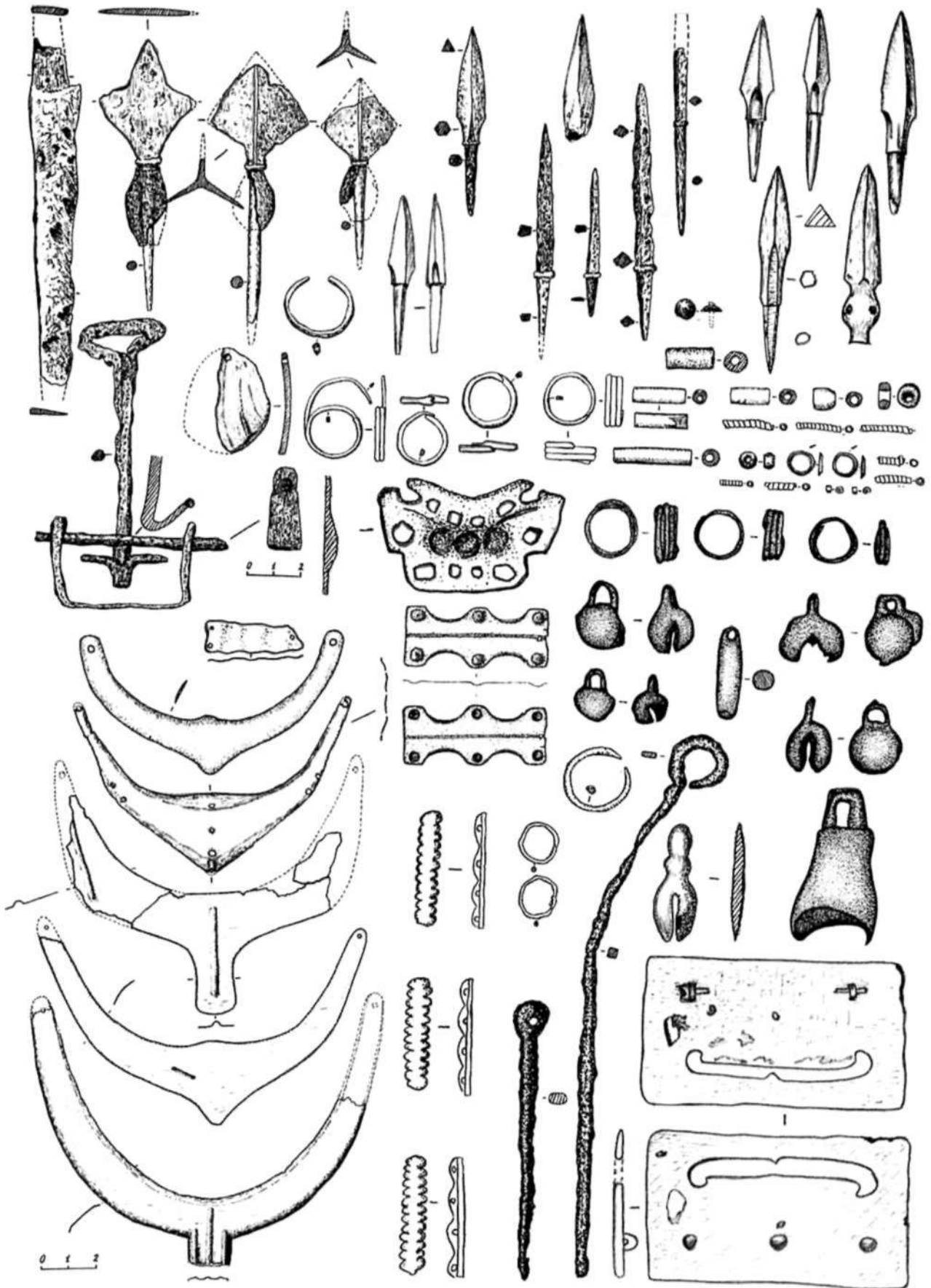


Рис. 5. Погребения бурхотуйской культуры, инвентарь
Fig. 5. Graves of Burkhotui culture, toolkit



1



2

Рис. 6:

1 – Шивэйский городок Листвянный, на береговом утёсе р. Шилка (фото с юга).
2 – землянка шивэй на городище Проезжая-1

Fig. 6:

1 – Shiveian settlement Listvjanny, on the bank of river Shilka (view from South).
2 – Pit house of Shivei on the settlement Proezhaia-1

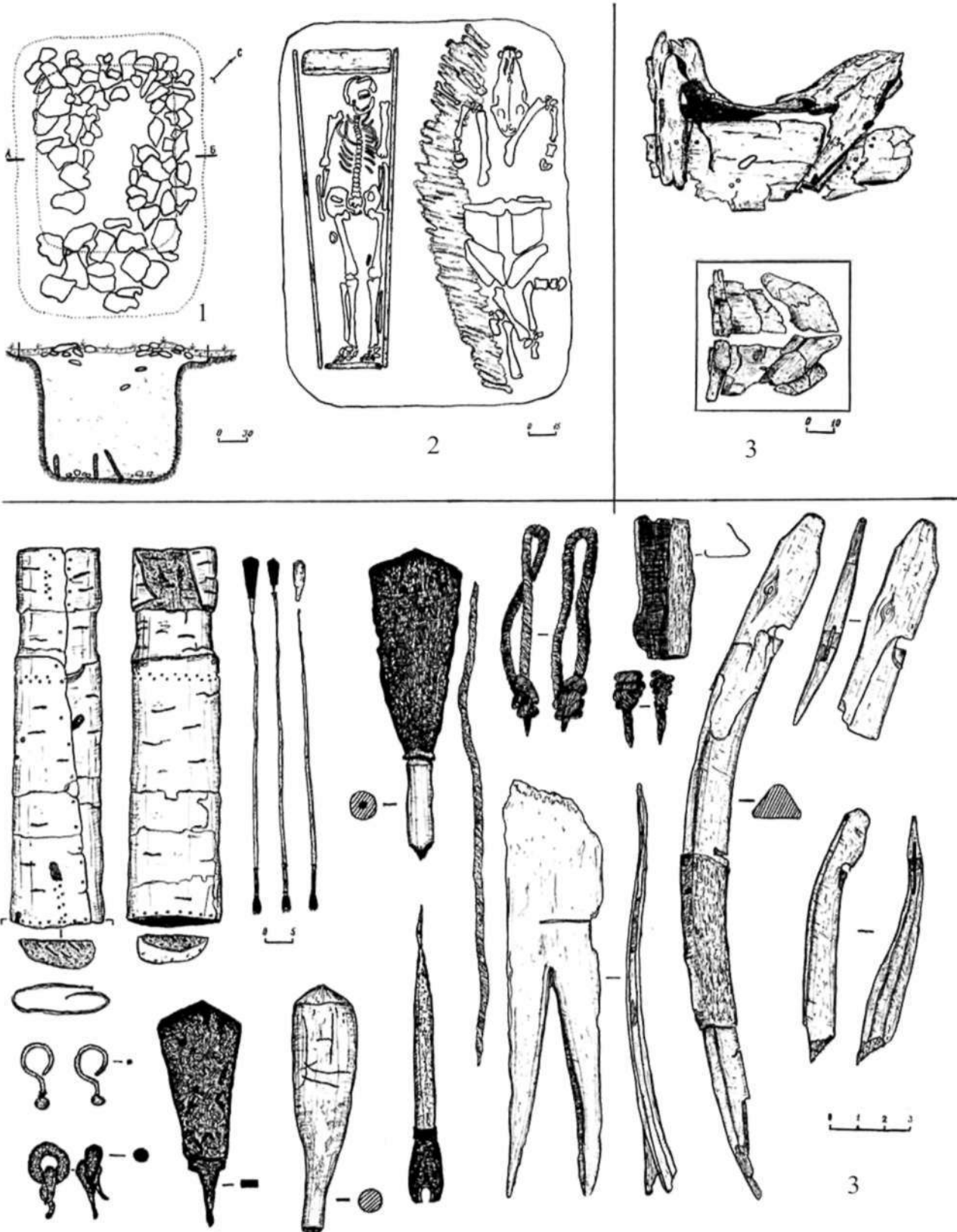


Рис. 7. Погребение человека с конём из падь Улугуй (р. Онон):

1 – каменные выкладки и их разрез; 2 – форма захоронений человека и коня, за деревянным заборчиком;
3 – инвентарь погребений

Fig. 7. Burial of a man with horse from Pad' Ulugui (river Onon):

1 – stone masonries and their sections; 2 – burials of a man and horse after the wood barrier;
3 – toolkits of graves

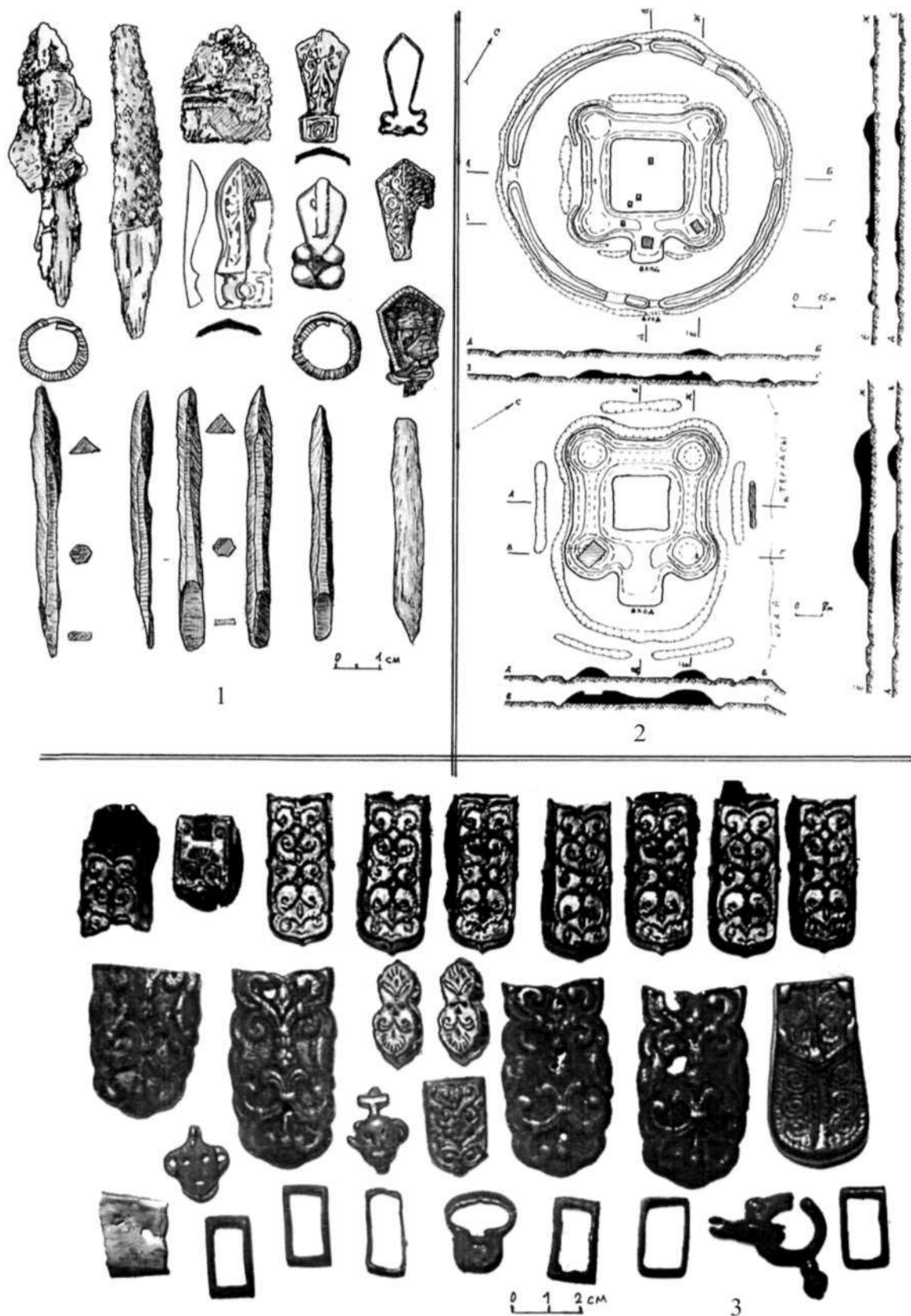


Рис. 8:

1 – инвентарь погребения из Сухой пади; 2 – пограничные городки империи Ляо (киданей) в Приаргунье; 3 – инвентарь погребения с трупосожжением из пади Луккия (р. Чита)

Fig. 8:

1 – toolkit of the grave from Pad' Sukhaia; 2 – boundary settlements of Imperia Lyao (Kidan') in Argun' Area; 3 – toolkit of burial with fired dead body from Pad' Lukia (river Chita)

В степных районах Забайкалья бурхотуйские могильники включают в свой состав от 5 до 15 погребений; в бассейне р. Шилка, некоторые из них достигают 100 и более погребений. Указанные отличия могут свидетельствовать о частичной седентеризации отуз-татарских племён в лесостепной зоне Восточного Забайкалья, предполагающей наличие стационарных жилищ — зимников и относительно долгое пребывание людей в одних и тех же зафиксированных местах. В степной зоне речь должна идти о более подвижном (кочевом или полукочевом) образе жизни. С учётом разнообразия ландшафтных условий и большого количества племён, входивших в состав отуз-татарского племенного объединения (отуз-«тридцать») мы можем говорить, видимо, и о разных формах специализации у них хозяйства, что выглядит вполне естественно. С другой стороны можно предполагать, что в верховьях Шилки — скорее всего в бассейнах рек Нерча и Куэнга располагался центр отуз-татарского (западно-шивэйского) мира и здесь же находились их основные кладбища.

Далее на восток проживали другие группы приамурских племён шивэй, оставившие после себя долговременные поселения, в том числе укреплённые городки, нередко располагавшиеся на высоких, скальных площадках (от 60 до 120 м), с валами и рвами по периметру (рис. 6). Они обнаружены в нижнем течении р. Шилка и в верхнем течении р. Амур. Самой восточной границей расселения племён шивэй, по мнению С.П. Нестерова, был Зейско-Буреинский географический район, выходящий на юге к р. Амур, отрогам Малого Хингана и к бассейну р. Нэньцзян (Нонни, Нахэ). Именно здесь, по мнению исследователя, проходила контактная зона между племенами шивэй и мохэ, и здесь формировались своеобразные по характеру культуры раннего средневековья (Нестеров, 1998: 19–20). Что касается Шилки, то в бассейне её сегодня известно 11 укреплённых городков, сосредоточенных на сравнительно коротком участке: между р. Лужанки и р. Желтуга (около 80 км).

Исследования их показали, что входы в городки были узкими (не более 2,5 м) и перекрывались двойными или даже тройными воротами: в зависимости от количества валов, прилегающих к входу. На валах также имелись дополнительные укрепления, в виде бревенчатых частоколов, а глубина рвов достигала 1,5–2 м. Городки находились в прямой видимости друг от друга и концентрировались в лесной зоне, на значительном удалении от степных районов края (до 160–180 км). В совокупности они создавали своеобразный защитный рубеж на дальних границах с тюркоязычным и отуз-татарским миром (Ковычев, 2009: 173). На протяжении всей второй половины I тысячелетия, именно оттуда — со стороны степи и лесостепи, для шивэйских племён Приамурья исходила реальная угроза вторжений, не считаться с которой они не могли.

Своими корнями, бурхотуйская культура уходит в сяньбийское время и памятники её имеют немалое сходство с памятниками выделенной недавно, позднесяньбийской дуройской культуры (кон. II–IV вв.) (Ковычев, 2006: 255, 257). Носителей этой культуры мы связываем с северо-западной группой монголоязычных племён сяньби, оставшихся в Забайкалье после крушения державы Таньшихуая (141–181 гг. н.э.) и ухода на юг племён тоба. Такой преемственности нет у памятников дарасунской культуры и поэтому можно полагать, что население, оставившее их, было пришлым. На территории Восточного Забайкалья оно появилось в середине I тыс. н. э., возможно, под давлением жужаней. Были ли это потомки восточных динлинов или каких-то других племён — судить сложно, но в тюркское время, в составе пришельцев, занявших степные и лесостепные районы Восточного и Западного Забайкалья, а также прилегающие к ним районы Северо-Восточной Монголии и Южного Прибайкалья, фиксируются не только токуз-татары, но и байырку, доланьгэ, пугу, адье, дубо и другие тюркские племена, составившие впоследствии телескую этническую конфедерацию. Главную роль в ней играли токуз-огузы, оппозиционно настроенные к тюркам первого и второго каганатов и к своим соплеменникам — уйгурам. В такой же оппозиции к правившим в степи династиям находились отуз-татары. На этой основе и складывались союзнические отношения между забайкальскими племенами второй половины I тыс. Однако в конце

уйгурской эпохи произошли новые перемещения племён, изменившие этническую карту всего центрально-азиатского региона. Эти изменения коснулись также Восточного Забайкалья и Верхнего Приамурья.

Мы уже отмечали, что часть токуз-огузов вместе с токуз-татарами и другими племенами телеской группировки мигрировали в Восточный Туркестан. Произошло это сразу же после разгрома Уйгурского каганата древними кыргызами. Племена байырку (кит.: байегу) переместились в районы Байкальской Сибири, где в скором времени получили распространение новые этнонимы, производные от байырку: «ыркут», «иркит» и «иргит» (Кириллов и др., 2000: 71); а два уйгурских племени, во главе с тегинем Кэ-чжи-ли в 842 г. бежали на северо-восток, к племенам Большие Шивэй. Затем в 848 г. после смерти уйгурского кагана У-цзе у шивэй попросили защиты другие группы уйгуров во главе с новым каганом Э-нянем. Беглецы были разделены на семь частей и «семь родов шивэй», как сообщает источник, взяли себе по одной части (Малявкин, 1974: 30). Однако, через три дня министр кыргызов А-бо во главе 70 000 войска нанёс шивэй поражение и вернул беглецов обратно на север от пустыни Гоби.

Источники сообщают, однако, что не все уйгуры были уведены кыргызами: некоторое количество их рассеялось в лесах и горах, где они занимались грабежом соседей. Затем, уже в X в., когда кыргызы ушли из степей Центральной Азии под давлением киданей, уйгурские племена вновь широко расселились по всему региону. Для нас в этом клубке событий важным фактом является то, что после миграции токуз-татар, байырку и других племён на запад в Восточном Забайкалье исчезают погребения дарасунской культуры, а вместо них появляются новые, не связанные с культурами прежнего времени. Это даёт основание предполагать, что упомянутые под 1005 г. в историческом сочинении «Ган-му» токуз-татары (возможно, только некоторая часть их), проживали уже за пределами Восточного Забайкалья, как, впрочем, и племена отуз-татар, о которых говорилось выше.

Одно из «новых» погребений было раскопано А.И. Махаловым в 1929 г. близ г. Читы, в Сухой пади. В погребении сохранились остатки деревянного сосуда, костяные накладки на лук (от центральной части), два железных и четыре костяных наконечника стрел, железный наконечник копья, удила, серебряные серьги, обмотанные проволокой, железные и бронзовые концевые бляхи ремней, украшенные сложным растительным орнаментом, железный нож, а на костях скелета – остатки меха и ткани от одежды (рис. 8 – 1). Умерший был погребён на спине, в вытянутом положении, головой на ССВ. В изголовье его торчали жертвенные кости задних ног овцы (Махалов, 1930: 3–17). Наличие таких костей в изголовье или в ногах погребённого – одна из отличительных черт погребений монголов XI–XIV вв. Однако данное погребение по совокупности погребального обряда и инвентаря можно датировать более ранним временем и соотносить с погребениями хойцегорской культуры Западного Забайкалья (VII–X вв.), которую исследователи связывают с селенгинскими уйгурами. Поэтому не исключено появление части уйгуров и в восточных районах края.

О появлении нового населения на территории края свидетельствуют также два кургана с погребениями людей и верховых коней, обнаруженные в 1984 г. у с. Усть-Борзя, Ононского района, в пади Улугуй (Ковычев, Беломестнов, 1986: 151). Умершие и лошади были погребены под небольшими каменными выкладками подчетырёхугольной формы, с пустотами в центре, в глубоких могильных ямах, сохранивших следы огня на стенах. Заполнение могильных ям составлял мелкий галечник, что, по-видимому, обусловило сухость внутри могил и хорошую консервацию всех без исключения предметов. Хорошо сохранились деревянные гробовища, перекрытые сверху широкими крышками, составленными из двух досок. Боковые стенки одного из гробовищ также были составлены из двух дощечек, скреплённых между собой деревянными шпёнками. Дно было выстлано тонкими рейками, положенными на поперечные плашки. Гробовища были окрашены в красный цвет и обмазаны тонким слоем глины, особенно в местах соединения досок. На крышках гробовищ располагались берестяные колчаны со стрелами, а также остатки

деревянного лука с тетивой. Взнузданные и оседланные лошади лежали с правой стороны от умерших, за невысокими заборчиками из кольев и чурбачков и были ориентированы головами в ту же сторону, что и люди – на ССВ. Судя по сохранившимся костям ног и черепам, в могилы были положены только останки животных, вместе со шкурами. Всё остальное, очевидно, было съедено во время заупокойной тризны. Кроме того, в погребениях были найдены жертвенные кости ног овец, ножи, железные гвозди, проволочные бронзовые серьги в виде знака вопроса, с бусинками, удила с большими кольцами, остатки кожи и тканей от сёдел и одежды (рис. 7). В целом, погребальный инвентарь позволяет датировать данные погребения XI–XII вв. Не противоречит такой датировке и погребальный обряд, поскольку погребения человека с конем или с его шкурой окончательно исчезают в центрально-азиатском регионе в XIII в. (Могильников, 1981: 194).

Помимо этого, были исследованы два погребения с трупосожжением, которые, несомненно, принадлежали выходцам из кыргызской среды. Одно из них было обнаружено в районе с. Усть-Ага, на р. Онон, в пади Новосёлиха, а другое – в бассейне р. Чита, в пади Лукия (Ковычев, 1985: 50–59). В первом погребении трупосожжение было совершено на горизонте, на каменной площадке, выложенной булыжником и перекрытой впоследствии каменной насыпью. Здесь сохранились остатки кальцинированных костей человека и жертвенных животных и большой глиняный сосуд, напоминающий по типу бурхотуйские, но с характерным вафельным орнаментом на тулове. Другое трупосожжение было совершено в могильной яме, также перекрытой впоследствии каменной насыпью. Здесь были найдены фрагменты пережжённых костей человека и многочисленные предметы погребального культа, побывавшие в огне: удила, стремя, украшения конской сбруи и узды (в том числе позолоченные), бусы и личинообразные подвески (рис. 8 - 3). Судя по инвентарю, погребение можно датировать периодом кыргызского великодержавия (IX–X вв.).

Появление столь «необычных» для Восточного Забайкалья погребений в конце I – нач. II тыс. свидетельствовало о политической и этнической нестабильности в данном регионе. Очевидно поэтому преобладавшие здесь во второй половине I тыс. бурхотуйские курганы, принадлежавшие племенам отуз-татар (западным шивэй), в X в. исчезают почти повсеместно. Вместо них на территории края начинают встречаться не только погребения указанных выше типов, но и погребения с плоскими каменными выкладками и неглубокими могильными ямами, в которых умершие были погребены на спине, в вытянутом положении (иногда на боку, с чуть подогнутыми ногами), головой на В, СВ и ЮВ. Инвентарь этих погребений беден, а из дополнительных внутримогильных конструкций можно отметить лишь подстилки и перекрытия из бересты и в редких случаях обкладку камнями. Такие погребения исследованы во многих районах Восточного Забайкалья, и хотя этническая идентификация их затруднена, наличие их на территории края свидетельствует о появлении здесь нового населения. Таким населением могли быть группы монголоязычных племён шивэй, пришедшие в Восточное Забайкалье из Южного Приамурья и Северной Маньчжурии. Среди них находилось и племя «мэнгу» («мэнью», «мэнгули»), которое в танское время китайские историки помещали к югу от среднего течения р. Амур, между устьем Сунгари и Малым Хинганом (Кычанов, 1980: 138–139). Зато в X–XI вв., при киданьской империи Ляо, это племя проживало уже в нижнем течении р. Керулен, у западных отрогов Хингана и было непосредственным соседом чжурчжэней (Кычанов, 1966: 269). По мнению Е.И. Кычанова, «именно в этом районе, на древней карте владений Ляо, помещённой в «Цидань го чжи» (автор Е Лун-ли, дата составления 1180 г.), указана гора Мэншань (Монгол)», а «среди соседних с Ляо народов Севера указаны и монголы (мэнгули)» (Кычанов, 1966: 270).

Это важно потому, что с данным племенем многие исследователи связывают происхождение собственно монгольского этноса, ассоциируя его с именем «монгол» (Кычанов, 1980: 136–138). Вот почему, суммируя приведенные выше факты, мы можем предположить, что именно движение этих племён в сторону Забайкалья и Северной

Монголии, привело к замене старого этнонима «отуз-татар», распространяемого тюрками на восточно-забайкальские племена второй половины I тыс., на обобщённый этноним «татар».

Л.Л.Викторова считает, что первоначально слово *tata* имело значение «отчуждать»; *tatar* и *tatabi*, по её мнению, были причастными формами названного корня. От тюрков и уйгуров это слово (в форме «дада») постепенно перекочевало в киданьские, а затем и в китайские истории. В них этот термин некоторое время использовался наряду с термином «шивэй» и только с 1084 г. стали упоминаться и монголы. Сунские авторы уже напрямую сопоставляли одно из подразделений шивэй – «мэнью-шивэй» («мэнгу-шивэй») – с монголами и считали их частью «дада», т.е. татар (Викторова, 1961: 11; она же, 1958: 59–62).

Последнее предположение мы не считаем очевидным, поскольку прямой преемственности между монгольской культурой XII–XIII вв. и бурхотуйской культурой второй половины I тыс. н.э., которую мы соотносим с племенами западных шивэй («отуз-татар») не прослеживается. Наоборот, весь комплекс погребального обряда и инвентаря свидетельствует о серьёзных различиях, которые вряд ли могли поменяться за столь короткое время. Речь, следовательно, может идти о появлении новых племён, вытеснивших с территории края племена отуз-татар, которые, как свидетельствуют источники, вынуждены были отойти на юг – в район озёр Буир-Нур и Кулун-Нур. Именно на этом этапе зародился конфликт, положивший начало последующей вражде между монгольскими и татарскими племенами. Кроме того, имеются сведения о переселении в начале IX в. некоторой части татар и в более южные районы, примыкавшие к хребту Иньшань (Викторова, 1980: 160).

Что касается пришедших на территорию края новых племён шивэй, то они покидали районы своего первоначального обитания под натиском набравших силу киданей. Известно, что основатель киданьской империи Елюй Амбагянь (Абаоцзы), после прихода к власти, начал войну с племенами шивэй и подчинил их в 885–887 гг. Подчинены были, очевидно, только ближайшие к киданям племена, а остальные, уходя из-под власти государства Ляо, бежали на север – за р. Амур и на запад – за перевалы Большого Хинганского хребта.

Мы считаем, что именно тогда в исторической памяти монгольских народов сформировалось понятие Эргунэ-кун и что отголоски этих событий, в полуполюгендарной форме были записаны затем персидским историком Рашид-ад-дином в его знаменитом сочинении «Сборник летописей». Рашид-ад-дин сообщает, что «над монголами одержали верх другие племена (под которыми, видимо, и следует понимать киданей – Е.К.) и учинили такое избиение [среди них], что в [живых] осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи в страхе пред врагом бежали в недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги, кроме узкой и труднодоступной тропы, по которой можно было пройти туда с большим трудом и затруднением. Среди тех гор была обильная травой и здоровая [по климату] степь. Название этой местности Эргунэ-кун. Значение слова «кун» – «косогор», а «эргунэ» – «крутой», иначе говоря, «крутой хребет». А имена тех двух людей были Нукуз и Киян. Они и их потомки долгие годы оставались в этом месте и размножились» (Рашид-ад-дин, 1952: 153).

Приведённые факты свидетельствуют о том, что легендарная местность Эргунэ-кун это ни что иное, как река Аргунь и прилегающие к ней территории, расположенные к западу от крутых склонов Большого Хинганского хребта. Здесь было первое пристанище той группы монгольских племён, от которых вели свою генеалогическую линию будущие чингизиды, и история которых попала на страницы монгольских летописей. Остальная же масса монгольских беглецов расселялась по широкому спектру забайкальско-монгольской степи и лесостепи, вытесняя отсюда прежнее тюркоязычное и отуз-татарское население.

Ситуация осложнялась также вмешательством киданьского государства Ляо, которое стремилось стабилизировать ситуацию на своих северо-западных границах, и военные отряды киданей поэтому появились за перевалами Большого Хинганского хребта: в районе Эргунэ-кун. Спокойная жизнь для эргунэ-кунских монголов закончилась: им опять приходилось покидать насиженные места. И снова в монгольских хрониках эти события

приобрели полуполюгендарный характер. Поскольку выход из теснин Эргунэ-кун для монголов был затруднён, они, как писал Рашид-ад-дин, «нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавил железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные мехи. [Затем] сложили дрова и уголь у подножия того косогора и так оборудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать (огонь под дровами и углем) до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное [количество] железа и [вместе с тем] открылся проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи» (Рашид-ад-дин, 1952: 9).

Отбрасывая в сторону детали этого сообщения, отметим, что это был второй этап монгольской экспансии в забайкальско-монгольскую степь, в ходе которой предки Чингисхана пересекли (обогнули?) озеро Далай-Нор и вышли к нижнему и среднему течению р. Онон. Здесь их и застало монгольское предание XII-XIII вв. За время проживания в Эргунэ-кун из бывших охотников, скотоводов и земледельцев они постепенно превратились в кочевников-степняков, так же как и другие монгольские племена, пришедшие сюда раньше.

Тогда же установилась граница между государством Ляо и северными племенами монголов. По левому берегу р. Аргунь и параллельно р. Улдза, протекающей по Северной Монголии от истоков Онона до озера Торей, кидане построили пограничный оборонительный рубеж (ок. 745,8 км), который включал в себя высокий насыпной вал со рвом и два десятка прилегающих к нему укрепленных городков, имевших валы, рвы и угловые башни (рис. 8 - 2). Городки контролировали долины наиболее широких распадков и были расположены через каждые 25 – 30 км. Исследователи считают, что вал являлся пограничной маркировочной линией имперской границы и вместе с городками выполнял функции обороны первого уровня и мобильного оповещения о передислокациях больших групп кочевников (Луньков и др., 2009: 171).

Нет сомнений в том, что наличие указанного пограничного рубежа серьёзно сдерживало амбиции монгольских вождей, которые в этот период ещё не располагали всей полнотой власти. Но это было время их политического самоутверждения, время роста имущественной и социальной дифференциации внутри монгольского общества. Оно растянулось до конца «ляоской» эпохи, после чего монгольские племена встали на путь завоеваний соседних народов и государств.

Литература

Алкин С.В., Нестеренко В.В. Работы на Усть-Чёрнинском городище в 2010 году. /<http://museums75.ru/chernaj3.htm>.

Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. 225 с.

Викторова Л.Л. К вопросу о расселении монгольских племена Дальнем Востоке в IV в. до н.э. – XII в. н.э. // Учёные записки ЛГУ, № 256. Серия востоковедческих наук. Вып. 7. Л., 1958. С. 41-67.

Викторова Л.Л. Ранний этап этногенеза монголов // Автореф. дис. ... канд. ист. наук: Л., 1961. 19 с.

Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926. 910 с.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск, 2000. 176 с.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. 214 с.

Ковычев Е.В. Средневековое погребение с трупосожжением из Восточного Забайкалья и его этнокультурная интерпретация // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 50-59.

Ковычев Е.В. Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. Вып. 4. С. 242-258.

Ковычев Е.В. О некоторых знаковых аспектах изучения Шилкинских городищ // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й Всероссийской конференции (Иркутск, 29 марта – 1 апреля 2009 г.). Иркутск, 2009. С. 170-177.

Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И. Исследования в бассейне р. Онон // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 151-154.

Кызласов Л.Р., Ивашина Л.Г. Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1989. С. 34-52.

Кычанов Е.И. Чжурчжени в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Сибирский археологический сборник. «Материалы по истории Сибири». Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 269-281.

Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 136-148.

Луныков А.В., Харинский А.В., Крадин Н.Н., Ковычев Е.В. Пограничные сооружения киданей в Забайкалье // Известия Лаборатории древних технологий: Сборник научных трудов. Иркутск, 2009. Вып. 7. С. 155-172.

Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в XI–XII вв. Новосибирск, 1974. 210 с.

Махалов А.И. Древнее погребение из долины реки Читы. Чита, 1930. 16 с.

Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 194–200.

Нестеров С.П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. Новосибирск, 1998. 184 с.

Окладников А.П. Древнее Забайкалье (Культурно-исторический очерк) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Часть II. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 6-20.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М. –Л., 1952. Т.1. Кн. 1. 220 с.

Улзийбаяр С. Памятник бурхотуйской культуры в бассейне р. Хурха // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2010. 290-296.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск, 2001. 198 с.

Summary

In the second part of I millennia AC in Eastern Transbaikalia there were lived Mongolian-speaking tribes of Shivei. Western Shivei divided in two tribal unions: Otus-Tatar and Tokus-Tatar. Archaeologically to Otus-Tatar are addressed the sites of Burkhotui archaeological culture (IV-IX centuries AC), and to Tokus-Tatar ones of Darasun archaeological culture (VI-IX centuries AC). In X century AC began to appear the burials with flat slab masonries and not deep grave pits where persons were buried stretch on the back (sometimes on the side with slightly tucked legs), head to E, NE or SE. Toolkits if these graves are poor, as for intragrave construction sometimes were the beddings and covers of birch bark and rarely the facing by stones. Such burials were leaved by tribes of Shivei came to Eastern Transbaikalia from Southern Amur and Northern Manchuria. On of them was the tribe “Mengu”. In South-Eastern Transbaikalia was the process of origin the future core of Mongolian nation. Here was the homeland of Mongols – legendary location Ergune-kun.